

Образ и передача личного духовного опыта

Неизменен Христос... и необычен, и – вмещён в обыденность. Надмірен, превечен и срастворён с міром, не прилепляясь к нему, не вмещаясь с ним, никак не ограничивая и сущностно не умаляя Себя Самоумалением кеносиса, не о-значивает и не о-граничивает Собою мір, даже и составляя единственный живительный смысл, единственную живую Истину в этом міре. Неразделен в Себе и неслиянен Божеством со Своею плотью. Он – не есть некая видимость, окружающая нас, со-путствующая с нами... и не есть Бог Само-удалённый, извлечённый из міра, не имеющий к сотворённому Им более никакого личного отношения. Мы – относимся ко Христу через Церковь, через прилежание к плоти Христовой и Его Духу в таинстве, преподанном нам Им Самим. Мы улавливаем Христа, уже уловленные Им, словно рыбу в чудесном галилейском лове. Мы приникаем ко Христу и усиливаемся воспринять Его, как Цель, как единственный истинный смысл своего существования, - и смысл этот Сама Истина – Он - Путь и Врата проникновения в естественную и вечную... неизбежную – Жизнь. Он и есть собственно Жизнь... неведомый простор, пространство не от міра сего, ищущее и ждущее нашего обращения, нашего исцеления... самих нас.

Что же есть икона в этом тонком взаимоотношении, взаимо-проникновении миров, - предмет, который мы рассматриваем столь скурпулёзно, столь пристально, длительно и самозабвенно, - применим этот термин в прямом его значении: забывая о себе и пред-ставляя перед собою – образ. Вглядываемся в образ этот, в-чувствуемся в него... Что есть образ в жизненном течении нашем на пути ко Христу? И что есть образ по отношению к Самому Богу? Размыслим об этом по возможности и кратко, и обстоятельно. Зачем приникаем мы к рассмотрению образа и что есть образ в православии? Слишком обширен вопрос этот, поставленный самому себе, вопрос, вокруг которого множатся наши многолетние размышления. Но достижимо ли разумение, как плод обстоятельных раздумий. Стягаем ли Бог одним лишь усилием человеческой мысли и мерою затраченных на Него времён отмеренного земного существования. «Непрестанно молитесь» - во всём течении, путе-шествовании своём – просите и познавайте... «и дано будет вам...». Определится ли близость ко Творцу нашему мерою затраченных трудов Богостяжания или размышления о том.

Образ рукотворенный – есть видимое свидетельство взаимного отношения человека и Бога внутри православия, внутри традиции непрерывного от апостолов непосредственного наследования и передачи последующим живого опыта отношений человека со Славой Господней. Слава Господняя по неизбывной благодати Божьей бережно принимается впрямю в ладони из рук предшественников, прижимается к сердцу, воспламеняя его и – передаётся следующим за тобою, ступающим след в след, по стопам... поступательно... неуклончиво. И нет иного способа взаимоотношений с Богом по-мимо православия... - так понимаем мы не от того лишь, что сами являемся чадами наследованной, преемственной Церкви. Сама Истина, воспринятая однажды нашим неразумием, нашей косностью, свидетельствует о Себе, позволяя наше дерзновенное помышление, упование, высвечивая и утверждая нашу веру. Надеемся неложно, дерзновенно и по праву помышлять так: мы – не одною лишь формальностью воспринятого таинства – во-Истину - являемся частью Православной церкви. Но Истина не означает того, что Она есть Истина лишь постольку, поскольку Она является таковою для части людей. Для части людей – христиан православных Истина есть Христос, действительно и действительно уведанный ими. Для иных людей Христос не есть непреложная Истина. Но Истина – Христос – безотносителен по отношению к нашей

конфессиональной принадлежности. Истина – Христос полна, преисполнена Собою. Истина – живой Бог - может быть раскрыта жаждущим, вопрошающим, раскрыта через проникновение в Божественное таинство и только через Самооткровение Бога человеку. Это Само-откровение Бога может быть воспринято нами, как благодать и явленная Слава Господняя. Может и остаться неведомой нам. Истина независима от нашего разума и нашего отношения к Ней. Православие – есть опыт взаимоотношения с Истиной и взаимного отношения человека в церкви – со Славой Господней... - так говорил Евгений Авдеенко, выражая чеканно плод своих размышлений, разума своего. Опыт личного и обще-Церковного общения со Славой Божьей – запечатлён изобразительными средствами, преподнесён, преподан церкви и - нам в ней по мере нашей восприимчивости. Неведомыми путями и способами отзывается Бог Церкви и каждому человеку в Ней. И средства изображения нашего молитвенного взывания и отклика Божьего – словесные в молитвенных возношениях... драматургично – трагические в литургическом чинопоследовании, содержат и несут нам таинство устремления, вовлечения к Богу и преподавания Богом Себя Самого. Лучшее в себе мы готовы преподнести Богу без всякого остатка. Лучшее мы готовы употребить и употребляем к выражению и запечатлеванию взаимоотношений со Славой Его. Потому лучшие эти средства всегда художественны. Художественно молитвенное слово, художественна драматургия Богослужения. Художественны архитектурные, музыкально-песенные, живописанные средства, - они несут собою образ, как выраженный, запечатлённый опыт взаимного отношения твари и Творца во Славе Его, - вновь упомянем это чеканное выражение. Образ, как непрестанно проявляющая, воплощающая себя живущая в Богообщении традиция, вызывает нас к восприятию, к усвоению, к передаче преемственности. Живой опыт взаимного отношения человека и Славы Господней, опыт про-славления, про-священия, о-священия... о-Божения человека Славой... - почитательно, почитательно запечатлевается как свидетельство - с помощью образа, преподносится современникам, со-путникам, передаётся последующим, наследующим поколениям. Так - не прерывается, не исчезает, но накапливается и содержится в образе опыт пережитого и усвоенного - живого Богообщения. Так – теплится в нас и продолжается традиция передачи традиции, живого и запечатлённого образом опыта передачи воспринятого однажды – и усвоенного Христа. При утрате опыта восприятия, усвоения и передачи образа, при расточении, прерывании нами или предшественниками нашими традиции, - не умаляется, не исчерпывается в нашей утрате Сам Бог. Исчезает навык, в стране далече оскверняется до невозможности язык былого общения. Но этим ничуть не умалён, не изменён ждущий Христос... готовый вдохнуть в нашу жажду вечно обновлённый и обновляющий Дух Свой, готовый неведомой новью всколыхнуть наше заблудшее и остывшее сердце, готовый при-внести нам воспоминание об образе, как об утраченном сиянии славы Своего общения с человеком.

Рукотворный образ – не есть собственно передача, распространение опыта Богообщения, но художественное свидетельство о произошедшем общении с Богом, предложенное посредствующее средство былого, произошедшего Богообщения, следствие переданного нам опыта усвоения Бога... усвоенности Богом. Образ может быть предложен и воспринят человеком, как действенное средство возвращения себя самого в русло Богообщения, в Богообщительную область, как способ (быть может, один из множественности способов) деятельного возвращения себя ко Христу, как средство самоуправления человека в общении со Христом, как средство само-устроения Церкви в литургическом со-общении с Богом. Человек обыденно рассеян, развлечён, развенчан грехом и в жизни своей подвижническим усилием, оставаясь в Церкви, принося к Её

таинствам – прикладывает волю к возвращению и деятельно желает возвратиться к себе самому, истинному и к собственно Истине – Христу. Человек - возвращается, пробуждается из греховного забвения, вспоминая себя, некогда пребывавшего с Богом. Проще, легче, удобнее возвращать себя к Богу, вспоминая личный, пусть и ничтожно малый опыт дарованного - бывшего Богообщения, приобщая все свои Богом данные свойства чувств, мысли, теплоты духовной – к тому, чтобы вновь вспомнить Христа и усилиться возвратить себя к Нему. Образ – есть удивительное, можно сказать так: изобретение человека к приложению, преломлению, возвращению к себе самому личного опыта, к возвращению самого себя в пережитое, испробованное состояние, переданное и прожитое в предании Богообщения церкви. Образ – есть способ и средство уяснения и восприятия личного опыта предшествующих поколений отцов. Образ – есть способ и средство передачи воспринятого опыта предшествующего и личного Богообщения - собственному сыновству в грядущем поколении последователей Христа. Посему, весьма осторожно следует относиться во всяческом изменениям и принципиальным инновациям в образотворчестве. Отсюда же и весьма сомнительна опора на исключительно личностный опыт Богообщения, Боговосприятия... даже если и был таковой... зыбко и ненадёжно основание без привнесения в опыт личностный – переданного опыта предшествующих отцов, Церкви пред-шествующей и тайноводствующей ко Христу. Опасна и подобна отложенной гибели, пресечению Богосыновства – личная безответственность, безучастность к тому, чтобы засвидетельствовать опыт личный. Восприняв, впитав собою опыт предшествующий, не передать личного опыта последующим... - столь же преступно, столь же неразумно, как разрушение или неприятие, отвержение опыта, переданного тебе, унаследованного тобой от твоих предков во Христе... предшественников за Христом. Образ – как средство, как способ Богообщения, личного возвращения и обращения к Славе Господней. Образ – как средство передачи этого опыта, опыта общения со Славой Божией через воображение личности. Богообщение может быть опосредовано и не умалено образом. Вероятно, в этом и есть суть образотворения, есть собственно образотворчество, где оно близко нам и желанно к уяснению, к рассмотрению и не является простым жонглированием словами, потрясанием воздушных шаров, перемешиванием букв, порождением новых пустотных по существу форм и значений... на обильной и благодатной почве образа.

Если мы помышляем, что критерием и единственным основанием нашего опыта является один лишь только наш личный опыт, замкнутый сам на себя, а наше чувство есть некий окончательный критерий истины, в которой мир Господний – лишь «комплекс моих ощущений...» - не является ли таковой подход обыденным, бытовым хамством разума... недоразумением, отрицанием, отсечением от себя опыта пред-шественников ко Христу... мысленным отделением себя от Христа. Не усиливается ли таковой образ мыслей выхолостить, уничтожить Спасителя. Не есть ли таковой уклад мысли – проявление свойств крайней необузданной гордыни, замкнутой внутри себя, проявление обыденного самомнения, самовозвеличивания, самоотделения от Богосыновней последовательности в человеческом роде. Свидетельствовал ли только о себе самом, о личном опыте Богообщения Феофан изограф... или же деятельно развивал переданную ему и воспринятую, творчески переосмысленную и оплодотворённую, согретую духовным горением – традицию? Пожалуй, не уместна постановка подобного вопрошания. Конечно же, мастер Феофан творил внутри традиции, развивал её собою, в себе, передавая её современникам и последователям. Традиция в творческом восприятии и преобразующем развитии – обрела новые высоты и новые пространственные горизонты Богообщения, Боговедения – и образ общения со Славой Господней человека – творца,

приближающегося вплотную – становился в творении мастера всё более просторным, всё более вычищенным от всего постороннего, на грани соприкосновения с Первообразом – всё более прозрачным. Так до невозможности – истончалась грань между мирами в образотворчестве Феофана. Эту истонченность в опыте личного пребывания на самой грани... на тонкой грани миров выявлял, преподавал... и преподаёт нам Феофан.

Вместе с восприятием образа, как переданного опыта следует постоянно иметь в виду и личный – вполне недостаточный – опыт бывания на этой образной грани, возможный опыт проникновения за эту грань, опыт общения с образной гранью, из которой сквозит Божья Слава. В пору говорить о взаимо-действии человека и Бога посредством образа, о важности сохранения природного человеческого свойства к образотворению и к восприятию образа. Образ Божий, вложенный в человеке, готов и воспринимать и воспроизводить образы собою... словно бы Спас Нерукотворный – на чрепие окружающего вне-образия. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда» И – цветёт образ Господний на безвидной скудели, отражением от образа, бытийствующего в нас. Можно ли помышлять о некоей избыточности для человеческого существования в сохранении и преумножении естественного и Богоданного свойства к творению образа и к восприятию Бога через Его образ – к Богообщению в виду образа... Возможно ли образотворчество вне Богоприятия через образ... быть может – возможно. Но исчерпай, отними опыт личного общения со Славой Господней... и чуждым становится охлаждённый и обесславленный образ. Чуждым до неприятия, до враждебности к нему, до страшного и страстного желания изменить, низвергнуть образ, побороть его, забелить, записать, переформировать... пере-образовать, развенчать и унизить чуждое, возвеличенное не по праву. Верно и обратное: в утраченном образе – иссякает способ передачи личного опыта общения со Славой Господней и опыт огненный, светоносный опыт предков становится словно бы вулканом погасшим. Не угасим и не угасает Христос, но если опыт общения с Ним не оставлен, не засвидетельствован, не запечатлён для нас, если мы не несём на себе этого опытного впечатления Славой Господней, приблизившейся к человеку, – то слишком велика и невозполнима будет утрата человечеству естеству в нас. Быть может, эта утрата до времени не будет ощущаема, ведома нам. Мы не надеемся, не дерзаем помышлять о самой возможности возвыситься к опыту образотворца Феофана или святых, изображённых им... или к полноте восприятия образного объёма, созданного мастером. Но мы вправе – приступить, быть может, к самому начальному личному деланию, – к осознанию образа, к сохранению его, к раскрытию того, чем он должен был быть, к отворению в себе самих смысла и назначения образа, как свидетеля Богообщения и духоводца. И пробудит ли Господь через образ, или иным действием – пробудит ли наши сонные чувствования. Верую – утеплит Господь образом Своим нашу прохладную душу, возвратит и проявит нашу отнятую память, прояснит туманное наше неразумие. Образом чистым источая благодаяние Господь воскресит нашего мертвеца – естественного человека, восстающего со одра смертного немоществования в жажде живого общения со Славой Христоовой. Так – станем помышлять об образе, с таким настроением будем понуждать себя приникать к нему, проникаться им, познавать его, желая лишь одного – личного восстановления к общению со своим Творцом. Внятно чувствуем и ясно понимаем, что в чаемом общении этом неуклонно – пребывали наши предки, оставившие нам столь высокие, неместимые, непереносимые нынче – образы, – путеводные свидетельства о себе, о действительном озарении пути ко Христу Славой Господней.